

Разинова Е.

28/11/90

РОМАНС БЕЗ КРАМОЛЫ

Много лет подряд самые близкие друзья из лучших побуждений говорили ей: «Ты понимаешь, что обречена на неизвестность! Тебе никогда не дадут делать то, что ты хочешь». И не без оснований: за 20 с небольшим лет артистической деятельности было у Елизаветы Разиновой лишь несколько концертов.

Сейчас многие зарубежные фирмы предлагают ей выгодные контракты и турне. Она выбирает, имеет право после стольких бедственных лет.

Не все читатели слышали это имя, не говоря уже о странном, тревожном голосе; прошу Лизу рассказать о себе.

— Как это у вас началось? Почему — романс? Почему имено городской, а не классический? И почему... «белогвардейский»?

— Ну белогвардейский — лишь отчасти. В моей коллекции около трехсот романсов прошлое и нынешнего столетий. Тех, что принято называть белогвардейскими, среди них меньшая часть.

— Около трехсот романсов — это целое богатство. Сколько же лет понадобилось...?

— Практически — вся жизнь. Семья была музыкальная, дед был дирижером, дядя — певцом. Воспитывали меня мама и тетка. Они очень любили (утраченная теперь форма досуга) домашние дуэты, трио. Пели старинные романсы. Я участвовала в мере сил. Когда стала постарше, появилось два основных развлечения. Первое — подолгу сидеть в наушниках, слушать радио. Дивные тогда были передачи. Второе — посещать нотные и букинистические магазины. Приобретала старые ноты: уникальные раритеты стоили тогда копейки. Со старых, стертых до еле различимого звука граммофонных пластинок расшифровывала записи буквально по слогу. Ну и, конечно, самое главное — пение романсов с голоса на голос, как в старину говорили. Я пою, как в старой Москве пели...

К моменту поступления в ГИТИС, на режиссерский факультет, «освоила», уже около двухсот романсов. Любила общаться с людьми значительно старше себя. Как старики пели? С предельной искренностью, никакой позы или манерничанья. Простодушность, желание поделиться сокровенным... Несколько романсов пришло от Веры Пашенной, в частности любимый романс Достоевского «Расставаясь, она говорила».

Работая с наушниками, со старыми нотами, восстанавливая по крохам то, что другими с легкостью отбрасывалось, всегда одна, без имени в афише, без поддержки, перебивалась случайными заработкаами... И только те-

перь, когда в нашу жизнь проникли слова «русское зарубежье», «эмигрантская культура», у нее появилась надежда...

В силу трагических обстоятельств многие русские оказались в эмиграции. Обреченные на разрыв с Отечеством, пили и рыдали, кто-то стрелялся под звуки милых, таких родных русских романсов. Пели сами. Русский роман для эмигранта — это прикосновение к Родине. Это каждый раз — свидание с самым дорогим и святым в несладкой судьбе эмигрантской... Впрочем, это другая тема — тема русского человека на чужбине. Дорого то, что на чужой земле любими и хранимы старые русские романсы: их поют дети эмигрантов. И это невольный урок нам, так небрежно относящимся к тому, что является частью нашей души.

«Белогвардейские» романсы сейчас вызывают повышенный интерес у публики. Почему? Это всегда была запрещенная тема на концертной эстраде, хотя в них нет никакой крамолы. В них через личную боль отражены эпизоды белого движения, то есть неизвестные для нас страницы истории.

Не хочу пропадать я в
Истамбуле турецком,
Без любви и без славы,
орденов и погон.
Ах, графиня, поверьте
наболевшему сердцу:
Только в Вас и в Россию
я страстно влюблен.
Не пишите, графиня, нет
в живых адресата.
Упустили Россию, кан
сновъ пальцы песок.
Ах, Отчизна родная, разве ты
виновата,
Что пускаю я пулю в
поседевший висок?..

— Я почему-то на минувший год рассчитывала. Я упорно ожидала событий. С января 1989 года они и начались: я познакомилась с Борисом Рубашкиным. У него намечалась встреча в Доме кино, и он пригласил меня. В одной из пауз после оваций он сказал: «А сейчас послушайте, как о любви надо петь». И представил меня публике. Я спела «Игру любви»: «Мы оба лжем, и оба это знаем»... Овация. Пела еще, еще...

Да, так вот — успех в Доме кино, и опять — ничего. Никаких последствий, звонков, предложений. Но я ждала. Летом Марчелло Мастрояни был в Москве с телегруппой, снимающей фильм о советских женщинах. Познакомились мы накануне их

отъезда. Удивительно Мастрояни слушал: ведь ни одного слова не понимает... И — плачет...

— Ну а дальше? Что-нибудь сдвинулось с мертвоточки? — спрашивала я.

— Медленно, но сдвинулось. В ноябре 1989 года я озвучивала документальный фильм режиссера Льва Данилова «Альбом с серебряной монограммой». Это фильм о Колчаке. Озвучивала романсами из своей коллекции. А в первых числах февраля уже этого года у того же режиссера я записала несколько песен для фильма «Досье на генерала Владова».

— Но все-таки Запад проявляет к вам более деловой интерес?

— Да. 19 января был мой вечер в Доме кино. Представлял меня опять Борис Рубашкин. После концерта подошел человек, говорящий по-русски с легким акцентом: «Спасибо вам от русской эмиграции». Результат этого разговора — запись передачи для «Голоса Америки». Корреспондент чешского телевидения предлагает записать в Праге пластинку...

Лиза опять берет гитару, и:
В красном Питере кружится,
бесится белая выгода.
Белый иней по стенам
московских церквей.
В этом мире ни радости нет,
ни испуга,
Только скорбь Божьей
матери, да лампадка
над ней.
Все теперь против нас,
будто мы и креста
не носили,
Словно аспиды мы
бусурманской крови.
Даже места нам нет
в ошалевшей от горя
России,
И Господь нас не слышит
зови...
—

Плынет ее голос прямо в сердце. «Он еще прозвучит, прозвучит наш малиновый звон!» И вдруг я понимаю, почему сжимается и холода душа, когда слушаешь пение Лизы Разиновой: пришло время глубокого, без идеологических шаблонов, осмыслиения и трагедии, и героизма й Белой и Красной армий.

Пришло и время Лизы Разиновой. Судьба российских солдат, виновных и безвинных перед своим народом, как бы обрела в ней и свою летопись, и свой голос. Необычный, на три октавы, голос Лизы Разиновой и стал для них тем самым малиновым звоном.

Елизавета Разинова подписала контракт на три года. Малиновый звон забытой части нашей культуры зазвучит почти во всех странах мира. Но... не у нас?

Н. ФИЛИМОНОВА.